

Роль ветеранов Великой Отечественной войны в исламском активизме 1960–1980 гг.: на примере мусульманской общины г. Ростова-на-Дону

Р.Ф. Патеев^{1а}

¹Общественная палата Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1351-820>, e-mail: pateev@bk.ru

Резюме: Значение данной тематики связано с недостатком в понимании локальной специфики мусульманского сообщества советского периода. Послевоенный исламский активизм рассматривается как особый феномен, основанный на социокультурных условиях в духовной сфере верующих, которые сложились в результате событий Великой Отечественной войны (ВОВ). В статье использовано исследование серии фотографий позднесоветского периода мусульманской общины г. Ростова-на-Дону. Основной гипотезой является точка зрения автора о значительности вклада ветеранов ВОВ в консолидацию мусульманских общин в послевоенные годы. На примере мусульманского прихода Ростова-на-Дону показана их основополагающая роль в сохранении религиозной активности вплоть до распада СССР. Исламский активизм являлся одной из форм социальной самоорганизации участников военных событий и был основан на этническом и религиозном единстве. Общественный статус ветеранов ВОВ не давал возможности местным госорганам СССР применять жесткие меры к активным мусульманам, несмотря на антирелигиозную политику коммунистической партии.

Ключевые слова: ислам в Ростове-на-Дону; мусульмане в СССР; исламский активизм; ветераны Великой Отечественной войны

Для цитирования: Патеев Р.Ф. Роль ветеранов Великой Отечественной войны в исламском активизме 1960–1980 гг.: на примере мусульманской общины Ростова-на-Дону. *Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4):777–792*. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-4-777-792

Благодарности: Автор хотел бы выразить свою благодарность всем, кто помог в сборе информации, в том числе о запечатлённых на фотографиях членах мусульманской общины, в частности Мухаммаду Бикмаеву (председателю Центрального духовного управления мусульман Ростовской области), Надие Курмакаевой (руководителю Ростовской

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

областной общественной организации «Татаро-башкирский культурный центр «Як-ташлар») и другим представителям местного татарского сообщества (Рашиду Тепаеву и Надеде Тепаевой, Альбине Байгушевой и т.д.).

The role of veterans of the Great Patriotic War in Islamic activism in 1960's and 1980's: the case of the Muslim community in Rostov-on-Don

R.F. Pateev^{1a}

¹*The Public Chamber of the Republic of Tatarstan, Kazan, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1351-820>, e-mail: pateev@bk.ru

Abstract: The importance of the issue relates to the deficiency of knowledge in understanding the local specificity of the Soviet period Muslim community. The post-war Islamic activism is usually considered as a particular phenomenon based on the socio-cultural conditions in the spiritual space of the believers that case as the reverberations of the Great Patriotic War (GPW). The article uses a study of a series of photographs from the late Soviet period of the Muslim community in Rostov-on-Don. The main hypothesis is the author's point of view about the significance of the contribution of GPW veterans to the consolidation of Muslim communities in the post-war years. The example of the Muslim parish in Rostov-on-Don shows their fundamental role in maintaining religious activity until the collapse of the USSR. Islamic activism was one of the forms of social self-organization of participants in military events and was based on the ethnic and religious unity. The social status of GPW veterans did not allow local government agencies of the USSR to apply harsh measures to active Muslims, despite the anti-religious policy of the Communist Party.

Keywords: Islam in Rostov-on-Don; Muslims in the USSR; Islamic activism; veterans of the Great Patriotic War

For citation: Pateev R.F. The role of veterans of the Great Patriotic War in Islamic activism in 1960's and 1980's: the case of the Muslim community in Rostov-on-Don. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(4):777–792. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-4-777-792

Acknowledgements: The author wishes to express his gratitude to everyone who helped to gather information, including the members of the Muslim community presented in the photos. Especially to Muhammad Bikmaev (the Chairman of Central Spiritual Board of Muslims of the Rostov region), Nadia Kurmakayeva (the Head of Rostov Regional Public Organization the Tatar-Bashkir Cultural Center “Yaktashlar”) and other representatives of the local Tatar community (Rashida and Nadia Tepayeva, Baigusheva Albina and others).

Введение

Тема истории ислама в СССР в целом остается не до конца раскрытой, но советский период религиозной жизни мусульман все чаще привлекает внимание исследователей. Фактически всеми авторами отмечается активизация религиозной жизни мусульман СССР после окончания ВОВ. При этом основные акценты исследователей направлены на изучение государственно-конфессиональных отношений в этот период [1; 2], кроме того, анализируются социальные характеристики духовенства [3]. В отдельных случаях предметом изучения становится религиозная активность женщин, поскольку в послевоенный период они начинали играть роль, в том числе присущую деятелям (представителям) мусульманского духовенства, несмотря на традицию отводить данную функцию мужчинам [4].

Примечательно, что при анализе контингента верующих-мусульман Среднего Поволжья исследователи приводят сведения по демобилизованным мужчинам, которые, по данным ульяновского уполномоченного Совета народных комиссаров, составляли 15–20% от всех посещающих мечеть в послевоенный период [5]. Роль ветеранов ВОВ в возрождении традиций ислама фиксируется и в других регионах. В отношении мусульманской общины в Тюменской области Ф.Б. Гарифуллин отмечает: «В сложные годы атеизма, пройдя самую страшную в истории человечества войну, они стали надежным звеном в цепи духовной преемственности поколений» [6, с. 49]. Тем не менее значимая роль фронтовиков ВОВ в исламском активизме поствоенного периода остается не до конца раскрытой и ее переосмысление может по-новому способствовать пониманию не только истории ислама в СССР, но и особенностям взаимоотношений государства и религиозных институтов в этот непростой период для верующих.

Феномен послевоенного исламского активизма

В целом, послевоенный исламский активизм, по нашему мнению, является отдельным феноменом, который следует рассматривать в общем контексте ситуации, оказывающей влияние на религиозную жизнь мусульман в СССР в данный период. Само понятие «исламский активизм» представляет собой «деятельность по изменению мировоззрения в обществе или отдельных социальных группах на основе исламских норм и ценностей, осуществляемую

в различных сферах жизни». Будучи ориентированными «на воссоздание общественного устройства с учетом доктринальных предписаний и актуальных социокультурных условий... Исторические и современные формы проявления исламского активизма обуславливаются не только идеологическими факторами, но и влиянием внешней трансформирующейся социокультурной среды» [7, с. 6].

Очевидно, что окончание ВОВ сформировало особые социокультурные условия в духовной сфере для верующих. Послевоенный период религиозной активизации был естественным процессом на фоне пережитых тягот, страданий и личных трагедий, которые принесла война фактически в каждую советскую семью. Это проявлялась как на уровне личностного устремления к вере, так и на уровне формирования религиозных групп официальных и неформальных исламских активистов. В сложившихся условиях власти СССР, несмотря на официальные установки коммунистической идеологии, в послевоенный период старались жестко не препятствовать верующим в их естественных устремлениях, хотя их активность в целом ограничивалась. В отношении мусульман СССР речь шла не только о регистрации новых приходов и активизации религиозных общин и групп. Примечательно, что Постановлением Совета народных комиссаров СССР в 1945 г. было вновь открыто медресе «Мир Араб» в Бухаре, которое надолго останется фактически единственным официальным мусульманским образовательным учреждением в СССР [8].

Методы и использованные источники

Статья основана на методе анализа серии фотографий членов мусульманской общины г. Ростова-на-Дону. Анализ фотографий как источника по изучению советской повседневности начал использоваться с конца 1990 гг. и уже прочно вошел в российскую историографию. В 2000-е годы началось активное изучение семейных архивов горожан, отличительной чертой которых являлось нахождение в аутентичной среде бытования, что способствовало получению необходимой информации на месте хранения [9, с. 14].

Основная серия исследованных фотографий членов мусульманской общины г. Ростова-на-Дону была сделана примерно в 1984 г., и часть снимков находится в семейном архиве родителей автора публикации. Из данной серии представлены две фотографии, где запечатлены 15 человек как на фоне модельного дома на ул. Туркестанской 28, так и внутри здания (Рис. 2, 3). Оче-

видно, что съемки проводились на дневном собрании пятничной молитвы, о чем свидетельствует полностью идентичная одежда членов общины. Еще одной фотографией является снимок, сделанный 11 июля 1983 г. на коллективном собрании ростовских мусульман в честь празднования Курбан-байрама, где отражено около 70 верующих, запечатлённых во дворе молитвенного дома (Рис. 1). Источником сведений также являлись личные воспоминания родителей автора статьи – Фаика Патеева и Равили Патеевой. Кроме того, существенным источником дополнительной информации о военном пути ветеранов ВОВ мусульманской общины г. Ростова-на-Дону стал ресурс проекта «Память народа», который функционирует как информационная система, созданная Министерством обороны Российской Федерации¹.

Исторический контекст послевоенного исламского активизма в Ростове-на-Дону

Послевоенная форма исламского активизма в Ростове-на-Дону во многом проявилась в связи с особой трагичностью событий, которые были связаны с историей как самого города, так и местного мусульманского сообщества. Еще до начала ВОВ, в 1937 г., у мусульманской общины была изъята историческая мечеть на ул. Красноармейской. В период оккупации здание было временно возвращено верующим. Сам город сильно пострадал во время боевых действий, поскольку длительное время находился в оккупации. Во время зимней кампании 1941-1942 гг. город ненадолго был отбит у фашистских захватчиков, но окончательно советскими войсками Ростов-на-Дону был освобождён 14 февраля 1943 г. Поэтому события ВОВ затронули всех без исключения горожан, в том числе и местное мусульманское сообщество.

Примечательно, что уже в 1944 г. мусульманская община г. Ростова-на-Дону заключила с Кировским райисполкомом договор об официальной передаче здания исторической мечети мусульманской общине, что в целом соответствовало политике «временной религиозной оттепели». Несмотря на ужесточение религиозной политики в период правления Н. Хрущева, вплоть до 1960 г. это здание оставалось в распоряжении верующих. Однако в ноябре этого года решением исполкома Ростовского областного совета депутатов трудящихся здание исторической мечети было изъято у верующих и передано для

¹ Информационная система «Память народа». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

организации детского сада. Поскольку к тому времени храм находился в прямой близости к военной части, в дальнейшем здание мечети было включено в единую территорию размещавшихся армейских подразделений и переоборудовано в солдатский клуб.

В этот же период для нужд мусульманской общины власти предоставили частную постройку на ул. Черепашина 307. Однако в связи с началом строительства местного конструкторского бюро «Градиент» молебельный дом с 1979 г. был перенесен и в дальнейшем размещался по ул. Туркестанской 28. Сама частная постройка именовалась местными жителями как мечеть, что было также отражено на официальной табличке, вывешенной на входе. Тем не менее, по сути, мечеть была размещена на площади обычной советской постройки в частном секторе. Здание и дворовые строения были частично перестроены силами местных исламских активистов. В молитвенном помещении был оборудован михраб, размещен минбар и оснащена комната для омовения. В начале 1980-х гг. во дворе мечети силами общины был построен дом для имама [10, с. 155–157, с. 296–299]. Таким образом, несмотря на все партийные установки о необходимости ограничить деятельность религиозных общин, власти города, имея формальные поводы, не пошли на окончательную ликвидацию официально действующего мусульманского прихода. После изъятия исторической мечети местные власти дважды предоставляли альтернативные площади для мусульман и позволяли им переоборудовать здание частной постройки и прилегающей территории под религиозные нужды верующих.

Рис. 1. Мусульмане Ростова-на-Дону на коллективном собрании в день Курбан-байрама. 11 июля 1983 г.

Fig. 1. Muslims of Rostov-on-Don at the collective meeting in the day Kurban-bajram. July 11, 1983.

Примерное количество этнических мусульман в г. Ростове-на-Дону по переписи 1989 г. составляло более 10 тысяч человек: татары – 7 034; азербайджанцы – 2 828; лезгины – 1 073; чеченцы 782 и др. [11, с. 136] Однако религиозную активность в первую очередь проявляли пожилые татары, костяком которых и были участники ВОВ либо свидетели трагических военных событий. Об этом хорошо свидетельствует фотография праздничной молитвы 11 июля 1983 г. в честь празднования Курбан-байрама. Подавляющее большинство собравшихся - это пожилые верующие мужчины, представлявшие татарскую общину (Рис. 3) и, очевидно, являвшиеся если не фронтовиками, то людьми, в молодости заставшими события ВОВ. В основном мечеть во время пятничной молитвы посещали ветераны-пенсионеры, а на праздничные даты мусульманского календаря собирались сотни верующих, которые в большинстве также были представлены пожилыми прихожанами. Более молодое поколение татар-мусульман также посещали собрание общины на Курбан-байрам и Рамазан-байрам, хотя и не всегда принимали участие в праздничных молитвах, уступая первые ряды представителям старшего поколения. Пожилые женщины-татарки также проявляли активность. Они посещали не только пятничные молитвы, но и праздничные собрания. В молитвенном доме одна из комнат была предоставлена женщинам. В дни значимых праздничных собраний в честь Курбан-байрама и Рамазан-байрама они занимали фактически все здание мечети, а мужчины проводили обряды на улице. Представители кавказских народов, которые к тому времени также массово проживали в Ростове-на-Дону, в основном были представлены студентами местных учебных заведений и прибывающей в город рабочей силой. Многие из приезжих с Кавказа к тому времени осели в Ростове-на-Дону, но религиозной активности в позднесоветский период еще не проявляли.

Активисты ростовской мусульманской общины

Долгие годы, фактически на протяжении 1950–1970-х гг., основной проблемой мусульманской общины г. Ростова-на-Дону оставалось отсутствие имевшего специальное образование имама, который мог бы возглавить приход. В местной мусульманской общине некоторое время удалось проработать целой чередой известных исламских деятелей, среди которых Файзрахман Саттаров (1929–2015), Вафа Гилязов (1924–1990), Абубекар Бикмаев, Махмуд Валитов и др. Тем не менее, видимо, в связи с отсутствием возможности предо-

ставления жилья, никто из имамов в Ростове-на-Дону так и не остался. Однако религиозная жизнь местной мусульманской общины активизировалась после назначения в 1982 г. на постоянную должность имам-хатыбом Ростовской мечети выпускника бухарского медресе «Мир-Араб» хазрата Джафара Бикмаева (1956–2020) [12, с. 238].

Достоверно установлено, что фотографом и изготовителем представленных снимков, часть из которых хранится в семейных архивах местных татар, является Тепаев Махмуд Умарович (1932–2000). Религиозное образование он получил у отца, а фотоделу обучился во время службы в Советской армии. С 1980-х годов он был членом двадцатки (мутаваллиата) приходского совета мусульманской общины Ростова-на-Дону, а в дальнейшем заместителем имам-хатыба городской мечети. Благодаря активности М.У. Тепаева среди местных верующих мусульман широко распространялись «фотошамаили», которые изготавливались с помощью черно-белой перепечатки религиозных текстов и их ретуширования.

Примечательна и биография отца М.У. Тепаева. Типаев Умар Фезлулович (1896–1986) имел религиозное образование, которое, очевидно, получил в дореволюционном медресе. В 1941 г. он был призван в Советскую армию и как участник ВОВ награжден медалью «За оборону Ленинграда». С конца 60-х гг. XX в. он вёл неофициальную религиозную деятельность в Ростове-на-Дону среди местных мусульман. Обучал религии своих детей и в местных архивах фигурирует как «бродячий мулла».

*Рис. 2. Активисты мусульманской общины
г. Ростова-на-Дону внутри мечети (ул. Туркестанская 28)*
*Fig. 2. Activists of the Muslim community
of Rostov-on-Don inside the Mosque (28 Turkestanskaya St.)*

Благодаря помощи представителей татарского сообщества г. Ростова-на-Дону удалось восстановить данные большинства членов общины, отраженных на представленных двух фотографиях (Рис. 2, 3). Часть исламских активистов на момент съемки, очевидно, являлись членами двадцатки приходского совета (мутаваллиата). На фотографии перед входом в Ростовскую мечеть (Рис. 3) справа налево представлены:

1. Патеев Фаик Ахмеджанович (1948 г.р.);
2. Юлгушев Шамиль Хасянович (1926 г.р. – неизв.);
3. Неизвестен;
4. Кильдеев Абдурахман Хасянович (1917 г.р. – неизв.), ветеран ВОВ;
5. Уразов Алимжан Усманович (1906 – 13.01.1985), ветеран ВОВ;
6. Канеев Шарифжан Абдурахимович (1908 – 2.09.1986), ветеран ВОВ;
7. Неизвестен;
8. Бикмаев Джафяр Зуфарович (11.12.1956–16.11.2020);
9. Екшикеев Умар Хасянович (1911 г. р. – неизв.) ветеран ВОВ;
10. Бинеев Абдул-Кярим Сайфетдинович (12.09.1899–24.03.1990);
11. Ишмухаметов Мидхат (даты неизв.), ветеран ВОВ;
12. Камачкин Юнис Мирхафизович (1907 г.р. – неизв.), ветеран ВОВ;
13. Акчурин Ибрагим Абубьякярович (17.08.1918–13.09.2005), ветеран ВОВ;
14. Гильдеев Набиулла (1910 г.р. – неизв.), ветеран ВОВ;
15. Неизвестен.

Таким образом, 8 из 12 установленных членов общины на фотографии являлись ветеранами ВОВ. При этом с большой долей вероятности неустановленные члены общины (№№3, 7, 15), также являлись участниками ВОВ. Полученные сведения позволили частично восстановить основные элементы биографии ветеранов ВОВ из числа мусульманской общины г. Ростова-на-Дону и информацию об их боевых заслугах:

Кильдеев А.Х. Награжден орденом Отечественной войны II степени. Боевой путь закончил в Берлине.

Уразов А.У. При боевых действиях получил множество осколочных ранений. Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией». В мирное время работал в пекарне. Имел двоих сыновей, но после войны он и его жена взяли на воспитание племянницу, оставшуюся без родителей.

Канеев Ш.А. Уроженец села Решетино Пензенской области. Призывался из Ростова-на-Дону.

Екшикеев У.Х. Уроженец села Татарский Шелдаис Пензенской области. Призывался из Ростова-на-Дону. Награжден множеством медалей, в том числе «За боевые заслуги».

Камачкин Ю.М. Уроженец с. Кобылкино Пензенской области. Награжден орденом Отечественной войны II степени;

Ишмухаметов М. Участник боевых действий, имел множество наград.

Камачкин Ю.М. Уроженец села Кобылкино Пензенской области. Награжден орденом Отечественной войны II степени;

Акчури И.А. Уроженец с. Татарский Шелдаис Пензенской области. Участник Крымской оборонительной операции, после прорыва окружения стал членом партизанского отряда. В 1944 г. получил боевое ранение. Награжден орденом Отечественной войны I степени. После войны работал на Тарной фабрике и кирпичном заводе. Воспитал четырех сыновей и одну дочь;

Гильдеев Н. Участник Сталинградской битвы. Награжден одним из орденов Отечественной войны, медалью «За оборону Сталинграда». После войны занимался изготовлением фотошамаилей, которые распространялись в местной мусульманской общине.

*Рис. 3. Активисты мусульманской общины
г. Ростова-на-Дону перед входом в мечеть (ул. Туркестанская 28)
Fig. 3. Activists of the Muslim community
of Rostov-on-Don at the entrance to the Mosque (28 Turkestanstskaya St.)*

Примечательно, что большинство ветеранов только по установленным биографическим данным были уроженцами сел Пензенской области, которые входили или располагались в ареале так называемых «алты авыл». Это шесть татарских деревень, которые возникли в процессе переселения татарского населения с территории Дона. Очевидно, что в большинстве это были жители станицы Татарской, сегодня вошедшей в границы города современного Новочеркасска. Сохранившиеся устойчивые связи донских татар и выходцев из пензенских «алты авыл» исторически формировали облик местной мусульманской общины, корни которой уходили к воинскому сословию татар-казаков, проживавших на Дону [13, с. 13–14].

На момент съемки средний возраст ветеранов ВОВ из числа общины был свыше 70 лет. К этому времени они находились на пенсии, что также влияло на активизацию их религиозной жизни, поскольку появилось свободное от трудовой деятельности время. Пенсионный период во многом исключал опасения возможности привлечения трудовых коллективов к давлению на исламских активистов через «парткомы» из-за их религиозной деятельности. Примечательно, что на фотографиях Уразов А.У., Екшикеев У.Х. и Гильдеев Н. открыто позиционировали свою принадлежность к ветеранскому сообществу, надев орденские планки и демонстрируя боевые заслуги.

Можно уверенно предположить, что процесс солидаризации участников ВОВ в рамках исламского активизма выступал одной из форм проявления ветеранского движения в СССР. Официальное оформление ветеранского движения началось с создания Советского комитета ветеранов войны (СКВВ) в сентябре 1956 г. Несмотря на высокий общественный статус фронтовиков само понятие «участники ВОВ» закрепилось в советском законодательстве только в 1978 г., а понятие «ветеран ВОВ» оформилось в российском законодательстве в 1995 году [14; 15].

На начальном этапе созданием СКВВ преследовались внешнеполитические цели, но к середине 1950-х среди ветеранов «сформировалась потребность в отстаивании своих групповых интересов». Секции СКВВ с середины 1960-х гг. стали создаваться на местах. Неформальные отделения, координировавшие с СКВВ свою деятельность, также создавались при заводах, учреждениях и воинских частях. Это привело к проявлению многочисленных низовых инициатив со стороны фронтовиков, касающихся как остросоциальных проблем ветеранов, так и традиционных вопросов сохранения исторической памяти о ВОВ.

Контролировать стихийный процесс ветеранских инициатив становилось все сложнее, что приводило к попыткам упорядочить данную деятельность в 1970–1980-е годы [16].

Заключение

Таким образом, либерализация религиозной политики в СССР в военные годы в условиях роста духовных потребностей общества дала неожиданные результаты. Несмотря на официально заявленные цели по искоренению «пережитков религии» в советском обществе статус и авторитет участников ВОВ как социальной группы ограничивал подобные устремления. Очевидно, что власти не могли не считаться с устойчиво сформировавшимися к 1960–1980 гг. социальными группами ветеранов на местах, активность которых была направлена, в том числе, на удовлетворение элементарных религиозных потребностей. Для мусульманского сообщества Ростова-на-Дону, очевидно, это стало основополагающим фактором сохранения религиозной жизни. Послевоенный исламский активизм в целом сыграл ключевую роль в сохранении религиозной жизни и самоорганизации мусульманских общин в СССР во второй половине XX века и, безусловно, задал динамику дальнейшего религиозного возрождения, в которое ветераны ВОВ также внесли значимый вклад.

Изучение фотографий как исторического источника о мусульманском сообществе в СССР во второй половине XX в. может существенно обогатить представления о данном периоде жизни верующих. Это дополнит материалы, основанные на архивных данных, позволит компенсировать их недостаток, а главное – раскроет особенности повседневной жизни мусульманского сообщества, которая может недостаточно отражаться в официальных источниках. Кроме историографического значения, подобный анализ вносит новые представления о социально-политических процессах во взаимоотношении религиозных и государственных институтов того времени. Перспективы подобных исследований мусульманского сообщества периода СССР видятся особо актуальными в преддверии 80-летия победы в Великой Отечественной войне.

Литература

1. Королев А.А. Власть и ислам в СССР в послевоенный период (по материалам Пензенского региона). *Вестник Томского государственного университета*. 2007;12:86–89.
2. Ахмадуллин В.А. Изучение особенностей исламской жизни Советом по делам религиозных культов при СНК СССР/СМ СССР в первое послевоенное десятилетие. *Исламоведение*. 2019;2(40):59–75.
3. Королев А.А., Королева Л.А. Служители исламского культа в СССР в период 1940–1980 гг. (на примере Среднего Поволжья). *Вестник Тюменского государственного университета*. 2011;2:103–109.
4. Гусеева Ю. «Женщины-муллы»? Роль женщин в практиках мусульманских общин Среднего Поволжья в военный и послевоенный период. *Государство, религия, церковь*. 2012;3–4(30):315–327.
5. Королева Л.А., Королев А.А., Ключина Л.В. Мусульмане Среднего Поволжья в послевоенный период (1945–1953 годы). *Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 32*. 2009;16(154):94–99.
6. Гарифуллин Ф.Б. Роль ветеранов Великой Отечественной войны в возрождении традиций ислама в Тюменской области. *Образование и право*. 2022;8:44–50.
7. Патеев Р.Ф., Гильмутдинов Д.Р., Закиров А.А. и др. *Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: Коллективная монография*. Казань: АН РТ; 2021. 448 с.
8. Халилова З. Слушатели медресе советского Узбекистана (1945–1991 гг.): социальная жизнь и повседневные практики. *Россия и мусульманский мир: научно-информационный бюллетень*. 2017;10(304):49–64.
9. Абилова Р.О. *Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Казань: Казанский университет; 2017. 26 с.
10. *Ислам в Российской Федерации: энциклопедический словарь*. Т. V. М.: Медина; 2024. 432 с.
11. *Национальный состав населения Ростовской области: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический сборник*. Ростов-на-Дону: Ростовстат; 2005. 186 с.
12. *Ислам в Российской Федерации: энциклопедический словарь*. Т. II. М.: Медина; 2024; 296 с.

13. Патеев Р.Ф. *Ислам в Ростовской области*. М.: Логос; 2007. 104 с.
14. Буреева Е.В. Оформление статуса «Ветеран Великой Отечественной войны» в советском законодательстве. *Гуманитарные науки в XXI веке*. 2019;12:21–29.
15. Щепетин А.В. Этапы становления общественных организаций военных ветеранов Российской Федерации. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2010;2(15):187–192.
16. Сак К.В., Попов А.Д. Глобальный мир и фронтовые раны: создание Советского комитета ветеранов войны и противоречия политики памяти в СССР 1950-х годов. *Вестник Пермского университета. История*. 2023;4(63):108–121.

References

1. Korolev A.A. Vlast' i islam v SSSR v poslevoenny period (po materialam Penzenskogo regiona) [Power and Islam in the USSR in the post-war period (according to Penza Region materials)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin]. 2007;12:86–89.
2. Ahmadullin V.A. Izuchenie osobennostey islamskoy zhizni Sovetom po delam religioznykh kul'tov pri SNK SSSR/SM SSSR v pervoe poslevoennoe desyatiletie [Studying the Features of Islamic Life by the Council on Religious Cults at the Council of the People's Commissars of the USSR/ Council of Ministers of the USSR in the First Postwar Decade]. *Islamovedenie* [Islamovedenie]. 2019;2(40):59–75.
3. Korolev A.A., Koroleva L.A. Sluzhiteli islamskogo kul'ta v SSSR v period 1940–1980 gg. (na primere Srednego Povolzh'ya) [The servants of the Islamic cult in the USSR in the period between the 1940 and the 1980 (on the example of the Middle Volga Region)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald]. 2011;2:103–109.
4. Guseeva Yu. “Zhenshchiny-mully”? Rol' zhenshchin v praktikakh musul'manskikh obshchin Srednego Povolzh'ya v voenny i poslevoenny period [‘Female Mullahs’? The Role of Women in the Practices of Muslim Communities of the Middle Volga During the War and Post-War Years]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov'* [State, Religion and Church]. 2012;3–4(30):315–327.
5. Koroleva L.A., Korolev A.A., Klyushina L.V. Musul'mane Srednego Povolzh'ya v poslevoenny period (1945–1953 gody) [Muslims of the Middle Volga Region in the post-war period (1945–1953)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Vyp. 32* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2009;16(154):94–99.

6. Garifullin F.B. Rol' veteranov Velikoy Otechestvennoy voyny v vozrozhdenii tratsicii islama v Tyumenskoj oblasti [The role of veterans of the Great Patriotic War in the revival of the traditions of Islam in the Tyumen Region]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law]. 2022;8:44–50.

7. Pateev R.F., Gil'mutdinov D.R., Zakirov A.A. et al. *Islam i religioznyy aktivizm v Respublike Tatarstan: Kollektivnaya monografiya* [Islam and Religious Activism in the Republic of Tatarstan: The Collective monograph]. Kazan: Tatarstan Republic Academy of Sciences Publ.; 2021. 448 p.

8. Halilova Z. Slushateli medrese sovetского Uzbekistana (1945–1991 gg.): sotsial'naya zhizn' i povsednevnye praktiki [Madrassa Students of Soviet Uzbekistan (1945-1991): Everyday life and Social Practice]. *Rossiya i musul'manskiy mir: nauchno-informacionnyy byulleten'* [The Scientific Bulletin: Russia and the Moslem World]. 2017;10(304):49–64.

9. Abilova R.O. *Fotografiya kak istochnik po izucheniyu istorii povsednevnosti: analiz sovremennoj rossijskoj istoriografii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Photography as a source for Studying the History of Everyday life: the analysis of modern Russian historiography: Abstract of the dissertation in History]. Kazan: Kazan University Press; 2017. 26 p.

10. *Islam v Rossijskoj Federatsii: entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam in the Russian Federation: the Encyclopædic Dictionary]. Vol. V. Moscow: Medina; 2024. 432 p.

11. *Nacional'nyy sostav naseleniya Rostovskoy oblasti: Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 goda. Statisticheskij sbornik* [The national composition of the population of the Rostov Region: Result of All-Russia Population Census-2002. The statistical collection]. Rostov-na-Donu: Rostovstat Publ.; 2005. 186 p.

12. *Islam v Rossijskoj Federatsii: enciklopedicheskiy slovar'* [Islam in the Russian Federation: the Encyclopædic Dictionary]. Vol. II. Moscow: Medina; 2024; 296 p.

13. Pateev R.F. *Islam v Rostovskoy oblasti* [Islam in the Rostov Region]. Moscow: Logos Press; 2007. 104 p.

14. Bureeva E.V. Oformlenie statusa "Veteran Velikoy Otechestvennoy voyny" v sovetskom zakonodatel'stve [Registration of the status of "Veteran of the Great Patriotic War" in Soviet legislation]. *Gumanitarnye nauki v XXI veke* [Human sciences in the 21st century]. 2019;12:21–29.

15. Shchepetin A.V. Etapy stanovleniya obshchestvennykh organizatsiy voennykh veteranov Rossijskoj Federatsii [Stages of formation of public organizations of military veterans in the Russian Federation]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences]. 2010;2(15):187–192.

R.F. Pateev

The role of veterans of the Great Patriotic War in Islamic activism...

Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4): 777-792

16. Sak K.V., Popov A.D. Global'nyy mir i frontovye rany: sozdanie Sovetskogo komiteta veteranov voyny i protivorechiya politiki pamyati v SSSR 1950-kh godov [Global peace and frontline wounds: creating of the Soviet Committee of War Veterans and the contradictions of the memory policy in the USSR of the 1950s.]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [The Bulletin of the Perm University. History]. 2023;4(63):108–121.

Информация об авторе

Патеев Ринат Фаикович, член Общественной палаты Республики Татарстан, кандидат политических наук, г. Казань, Российская Федерация.

About the author

Rinat F. Pateev, Member of the Civic Chamber of the Republic of Tatarstan, Candidate of Political Science, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 октября 2024
Одобрена рецензентами: 30 октября 2024
Принята к публикации: 15 ноября 2024

Article info

Received: October 16, 2024
Reviewed: October 30, 2024
Accepted: November 15, 2024